

сергей фомичёв

ПРОТОКОЛ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей Фомичёв

Протокол безопасности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607328

ISBN 9785449038562

Аннотация

Земляне колонизируют Вселенную, отправляя миниатюрные зонды, способные с помощью нанороботов создавать инструменты, терраформировать планеты, воспроизводить экосистемы и людей. Но если возникает угроза столкновения с чужеродной разумной жизнью, запускается протокол безопасности. Так случилось с колонией Дрейк, в которой живёт мальчишка по имени Аристотель и его друзья.

Протокол безопасности

Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2018

ISBN 978-5-4490-3856-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аристотель ударил по мячу сильно, но не слишком удачно. Тот пролетел далеко в стороне от ворот и исчез в зарослях малины. Раздался свисток робота-арбитра. Дежурный робот отправился на поиски мяча, а ребята побрели на свою сторону поля. Джонни же, как обычно, набросился на товарища по команде.

– Аристотель! Ты чёртов мазила! – брызгал слюной раскрасневшийся от игры здоровяк. – Неужели не видишь, куда бьёшь? Из-за тебя мы продумем!

Джонни превосходил их поколение и комплекцией, и возрастом (но не умом, как считал Аристотель). Он родился на год раньше прочих, причём родился естественным образом, а не из пробирки, как все остальные. Сам Джонни считал этот факт биографии невероятно крутым и задира л нос так, будто приложил какие-то особые усилия, чтобы не появиться *in vitro* в числе партии из пятидесяти детишек. Неко-

торые ребята ему действительно немного завидовали. То ли из-за его старшинства и физического развития, то ли потому, что он мог назвать мамой и папой Лизу и Казимира. Те, правда, не долго возились с мальчишкой, перепоручив воспитание роботу-ментору, и всё же лишняя улыбка или доброе слово ему от родителей перепали. Аристотель же привилегий за Джонни не признавал и на ругань реагировал как должно.

– Ты и сам играешь не лучше! Скачешь по полю, точно баран, а толку нет. Всё больше орёшь на других, молокосос!

Последнее слово Аристотель выудил однажды из глубин памяти своего наставника и приберёт в расчёте как раз на такой случай.

– Как ты меня назвал? – возмутился Джонни. – А ну повтори!

– Прочисти уши!

Джонни толкнул его в грудь. Не больно. Аристотель устоял и ответил толчком. Ребята обеих команд поглядывали на спорщиков с умеренным интересом, некоторые подошли ближе, другие наблюдали издалека. Арбитры не вмешивались, как всегда, когда уровень агрессии подростков держался на допустимом уровне. Воспитательные алгоритмы относили подобные стычки к процессу социализации, выработке ответственности, а потому спорщикам предоставлялась возможность разобраться с проблемой самостоятельно. Но стоило Джонни ударить соперника кулаком, нейтралитет тут же

закончился. Андроиды проворно вклинились между мальчишками и, пустив в дело многочисленные конечности, прекратили борьбу. Что показалось Аристотелю верхом несправедливости, ведь он-то удар получил, а вот ответить не успел.

– Так нечестно! – сказал он, потирая солнечное сплетение.

– Разойдитесь, молодые люди! – убеждал главный арбитр.

– Хватит ставить меня в одну команду с этим уродом! – выкрикнул Джонни.

– Так решил жребий, – ожидаемо пояснил арбитр. – Вам следует учиться работать в любой команде.

Аристотель пожал плечами. Глупый на самом деле подход. Не способны они с Джонни ужиться, хоть в футбол с ним играй, хоть в шахматы. Бывает же такая несовместимость. Но менторы стояли на своём – притирайтесь и всё тут. Беда в том, что подростки на Дрейке мало занимались вместе. Не завела колония школ с классами, как принято на Земле. Спортивные состязания, театральные постановки и тренировки по безопасности – вот пожалуй и всё, что заставляло их собираться вместе. Прочие же науки каждый проходил по собственной программе, разработанной персональным ментором – так получалось эффективнее. В свободное время жили каждый в своей комнатке, дружили, конечно, но тасовались, как карточки для игры в ассоциации между маленькими нестабильными группками. Аристотель последнее время так и вообще всё больше одиночество предпочитал. Откуда тут взяться командному духу?

Доиграть матч до конца они так и не успели. Едва дежурный вернулся с мячом из малинника, как несколько посыльных роботов, похожих на маленьких крылатых ящериц, возникли среди игроков и арбитров и негромко заверещали, объявляя тревогу. Тревоги стали столь обыденным делом, что среди подростков не возникло не то что паники, но и сколько-нибудь заметной суматохи. Ну а машины и вообще не склонны к суете. Однако и медлить не приучены. Штанги ворот тут же распустились густыми ветвями, перекладины перекошились, приняв вид поваленных стволов, обросли искусственным мхом. По всему полю вспучились кочки, кое-где возникли кусты. Пиксы, обозначающие разметку, сменили цвет с белого на зеленый, а их собратья стали больше отражать в оптическом диапазоне и поглощать в инфракрасном, так что сверху должны были казаться лужами и болотцами. Не прошло и пары минут, как футбольное поле превратилось в обычную бесформенную прогалину, каких в лесу не пересчитать.

С парковки на свист хозяев прибежали шустрые транспортные механизмы, похожие на больших пауков – для передвижения по лесным чащам лучше и не придумать – и ствол упавший перешагнут, и ямину, а когда надо и вскарабкаться могут хоть на дерево, хоть на гору. Паучками их, собственно, и звали. Пока рассаживались по сёдлам, откуда-то сверху донеслось жужжание, заставившее мальчишек вскинуть го-

ловы. Вскоре, чуть в стороне от бывшего футбольного поля, пролетела стая боевых дронов, размером с крупных воронов.

– На юг, – огласил Джонни очевидную вещь.

С юга обычно приходит враг, там, на границе леса и пустыни происходят стычки, иногда перерастающие в настоящие сражения, туда, как правило, отправляются и подкрепления.

Проводив стаю взглядом, ребята молча распрощались друг с другом (взмах рукой, кивок, не больше) и направили паучков в разные концы леса – каждый к своему городу. Особой надобности в четырёх городах у горстки людей, составляющих колонию Дрейк, не было, но Старшие рассудили, что если противник нанесёт по лесу массированный удар, то хотя бы часть популяции должна выжить. Протокол безопасности. Всё в их жизни подчинялось ему. Сверля взглядом бритый затылок Джонни (который, разумеется, возглавил шествие на своем паучке), Аристотель вспомнил как они с Патриком ради забавы ловили пиксов, помещали их под стакан и смотрели, как протокол безопасности заставляет крошечных роботов превращаться в пыль. Технологям землян не следовало попадать в чужие руки, а миниатюрные машины оказались слишком тупы, чтобы отличить действительную опасность от мнимой и дезинтегрировали при всяком подозрительном случае. Невинное, в сущности, развлечение – роботизированные фабрики могли выпускать пиксов в любых количествах. Зато множество иных предпри-

саний и ограничений всерьёз отравляли жизнь. Составители алгоритма не могли предусмотреть всех нюансов, полагаясь на местное сообщество, но вычислитель инициировал протокол сразу же, как только колония столкнулась с враждебными формами жизни, а в то время первое поколение людей, выращенное в репликаторах, ещё играло в прятки и салочки и не могло скорректировать параметры программы. Ну а потом... потом никто не решился ломать работающую систему, привыкли. Привыкли обходиться без связи, без радаров, без всего того, что излучает и тем самым может выдать расположение городов, механизмов, людей; привыкли к простой жизни, используя лишь те технологии, что не слишком заметны для врага. Следующим поколениям и привыкать не пришлось, они воспринимали мир как он есть. Аристора, например, несколько не беспокоило отсутствие мгновенной связи, навигационной системы, спутников слежения, космических шаттлов, быстроходных аэрокаров, океанских яхт, огромных городов и парков развлечений – всего того, что он видел в фильмах и на иллюстрациях, о чём читал в книгах и документах.

Куда хуже, что по соображениям безопасности из баз данных была стёрта информация не только о наиболее разрушительных технологиях Земли, но и о ней самой, и прежде всего о её расположении среди звёзд. История, литература, тексты по точным наукам, особенно по астрономии, теперь зияли пробелами.

– Если бы чужую жизнь обнаружили на каких-то десять лет раньше, то повинуясь алгоритму, вычислитель попросту прикрыл бы миссию, отдав приказ на уничтожение всех наработок, – сообщил на одном из уроков ментор. – Стратегия экспансии учитывает, что большая часть капсул всходов не даст, именно потому их так много, и разбрасываются они широко. Но убивать уже рождённых людей алгоритм, разумеется, запрещает.

– Если бы миссию свернули, то на Земле никогда не узнали бы о существовании здесь чужой жизни, – ответил ему тогда Аристотель. – А так у нас хотя бы есть шанс изучить врага, победить и сообщить об этом прародине.

– Но мы теперь не сможем найти Землю, чтобы сообщить, – возразил ментор.

– Я думаю, что смогу.

– Вот как? Любопытно, – на самом деле ментор не испытывал чувств или эмоций, но Аристотель частенько ловился на их превосходную имитацию. – Это может стать неплохой разминкой для ума, как считаешь?

– Во всяком случае, интереснее задачек про бассейн и две трубы.

– Отлично! И с чего ты собираешься начать поиски?

– Невозможно вытравить всю информацию о Земле, – предположил ученик. – Она проникла слишком глубоко в культуру и науку.

– Например?

– Например, ускорение свободного падения, заложенное во многие инженерные расчёты, или период обращения Земли вокруг Солнца, на котором базируется хронология. Зная только эти две величины можно составить алгоритм поиска. Как только мы одолеем врага, то запустим орбитальный телескоп и быстро отберем претендентов.

– Неплохо, мой мальчик, неплохо. Но всё же космос велик, и тебе нужно будет поискать больше зацепок.

– Найду!

Это превратилось для них в игру на долгие годы и наставник мог бы быть доволен собой, испытывая он чувства.

Жители Полых Холмов, как и обитатели других городов, делали ставку не столько на крепость сводов, сколько на маскировку. Густые кроны деревьев, мягкий, поросший изумрудной травой, дёрн, плющ, терновник превращали лёгкие строения в сказочные чертоги, скрывая их заодно от посторонних глаз и сенсоров. В прочных перекрытиях при могущественных технологиях врага вообще не было особого смысла. Чужеродные суперструктуры, судя по разведанным и опыту столкновений с противником, могли разрушить практически любой материал – бетон, сталь, углеродное волокно – всё что угодно. Так что люди отдавали должное красоте и практичности.

Тревоги подобные нынешней давно стали нормой, поэтому ребята, прибыв с футбольного поля, без лишних разговоров отправились по домам. Кто-то предпочитал селиться на верхних ярусах, среди сосен, вязов или дубов, другим нравились просторные жилища возле корней. Жилище Аристотеля напоминало эльфийский холм или домик хоббита из древних земных сказок. Подобных ему в городе возвели великое множество, отчего тот и получил своё название.

Посреди единственной просторной комнаты Аристотеля поджидал ментор. Робот походил на серое яйцо почти в рост подопечного с широким экраном на высоте, где у человека его роста могло быть лицо. Иногда из корпуса появлялись разнообразные конечности или приспособления, вроде планшета для рисования, или фортепианной клавиатуры для обучения музыке. Сейчас, однако, яйцо было гладким, а экран пустым.

– Аристотель, мой мальчик, – обратился ментор, используя только голос. – Мне нужно поговорить с тобой.

– Называй меня Арис, учитель! – потребовал тот. – Я больше не хочу слышать эту собачью кличку.

– Но это имя древнего философа, который заложил основы мышления!

– Я что похож на тупоголового Джонни? – деланно обиделся Аристотель. – Я прекрасно знаю, в честь кого меня называли. И ты знаешь, что я знаю, потому что я рылся в твоих базах данных, когда заинтересовался именем. Однако с тех

пор, а времени прошло достаточно, так называли главным образом собак и тюленей, компьютерные программы и роботов. К тому же я всегда хотел получить имя попроще.

– Как скажешь, Арис. Но и я, в свою очередь, хотел бы заметить, что нельзя называть старшего молокососом. А Джонни старше тебя более чем на год.

Всё понятно. Менторы, арбитры и прочие надзиратели общались через посыльных и держали друг друга в курсе дел воспитанников, особенно если те вступали в конфликт.

– Какими бы словами я его не обозвал, ты сказал бы, что это неправильно. Можешь прочитать мне нотацию о хорошем поведении и давай быстрее покончим с этим.

– Но сейчас я имею в виду не мораль или нормы поведения, а словоупотребление, – возразил ментор.

– Словоупотребление?

– Молокососами называли неопытных новичков, как правило младших по возрасту, а вовсе не тех, кто кормился после рождения естественным образом.

– Хм. – Аристотель задумался.

Он недолюбливал Джонни. Поводов тому находилась масса, в том числе и естественное происхождение мальчишки. Поколения рождались одно за другим раз в десять лет с помощью репликаторов из генетического материала, доставленного с Земли, а дети, рождённые от мужчины и женщины, выбивались из четкого ритма поколенческих волн, и до сих пор оставались диковинкой. Возможно, именно эта анома-

лия раздражала его упорядоченный ум, склонный к математике и логике, но Аристотель был честен перед собой – главной причиной являлись девчонки. Все они смотрели преимущественно в сторону великовозрастного балбеса, игнорируя прочих ребят поколения. Разница в год с небольшим для подростков оказалась существенной, а ментор пояснил как-то, что девочки на раннем этапе развиваются быстрее мальчиков, потому и ищут компанию старших.

Да и чёрт с ними, с Джонни, его подружками и всеми остальными. Пусть себе собираются тесной компанией и играют в дурацкие игры, являющиеся лишь поводом, чтобы подержаться друг за друга. Аристотель не собирался отсиживаться в городе. Обычно тревога продолжалась несколько дней, а то и целую неделю, пока дроны и боевые роботы не ликвидировали угрозу на периферии, и всё это время люди прятались в норах и среди ветвей, как испуганные пичуги. Кто-то занимался ремёслами, другие читали или смотрели фильмы. Казимир, отец Джонни, например, пытался воссоздать примитивное металлургическое производство, а его подруга садилась за ткацкий станок. С подачи Старших, в обществе доминировала идея о необходимости пройти весь цикл развития цивилизации, чтобы всё постичь собственным умом и уметь обходиться без роботов.

Аристотель ускользнул из Полых Холмов по лазу, который начинался под кроватью. Они выкопали его с Патри-

ком года три назад, играя в графа Монте-Кристо, причём первые несколько метров копали как полагается заточенными ложками и кусками пластика, но рутина быстро приелась и они запрограммировали на изъятие грунта стайку пиксов. С тех пор друзья часто убегали через ход от опеки взрослых или роботов-наставников. Они обследовали пруд, следили за бобрами, забирались всё дальше вглубь леса, где в конце концов и обосновались, построив шалаш. В шалаше они читали древние книжки, написанные старым английским языком с артиклями, неправильными глаголами и заглавными буквами, а потом играли, воображая себя то пиратами (всё же их мир был назван именем одного из них), то пионерами, то искателями сокровищ. Счастливое детство продолжалось несколько лет, но с некоторых пор Патрик стал всё чаще выбирать общество Джонни, а играм на природе предпочитал настольные. Не удивительно, ведь за стол обычно садились и Ханна, и Зельда, а вот в пиратов или повстанцев ни та, ни другая играть не хотели.

Аристотелю пришлось найти себе новое развлечение. Играть одному в кого бы то ни было казалось ему нелепым и он занялся изобретательством. В небольшом «пиратском» гроте теперь стоял автожир, разработанный Аристотелем на основе чертежей, найденных в памяти ментора. Почти два месяца он собирал его, выпекая деталь за деталью на принтере втайне от роботов, взрослых и сверстников.

Аппарат получился пятидесяти килограммов веса и мог

тянуть ещё столько же в виде топлива и маленького пилота. Поскольку мальчик рос, запас топлива сокращался, и по расчётам Аристотеля к совершеннолетию он летать не сможет совсем. Однако пока топлива хватало, чтобы добраться до нужного места.

Ему нравилось летать над самыми кронами, ныряя под них, когда позволяло пространство и наблюдать, как застигнутые врасплох птицы и зверьки в панике бросаются от неведомого хищника. Кривые серповидные лопасти толкающего винта работал почти бесшумно. Несущий винт шелестел подобно листве в сильный ветер. Так что Аристотель прозвал аппарат Ветерком. Искусственного интеллекта тот не имел, как и вообще электроники. Не для того мальчишка скрывался от опеки, чтобы выслушивать суждения автожира. А ещё ему нравился риск ручного пилотирования и напряжение на штурвале и ручках управления.

На полянке посреди леса, в тридцати километрах от города находилось его тайное место. Здесь, похоже, когда-то пытались что-то построить, но потом бросили. Сохранилась лишь старинная кладка из дикого камня, заросшая мхом. Судя по всему кладку возвели ещё до появления людей, используя по непонятной прихоти натуральные материалы вместо привычных полимерных структур. Аристотель хотел покопаться в памяти ментора и выяснить, что же тут строили, но опасался раскрытия тайны. Он не рассказал о заброшенном строении даже Патрику. А ведь для пиратского ло-

гова место подходило гораздо лучше чем шалаш.

Он сложил сучья и развел огонь. Достав из кармана пригоршню пиксов, бросил вверх. Пиксы собрались в рой и стали кружить над костром, поглощая частицы дыма, так что выше деревьев он больше не поднимался. Бросив в костёр несколько поленьев, Аристотель достал излучатель и отправился на охоту. Будь здесь Патрик, он обвинил бы его в чирстве, предложил бы охотиться с луком или кремниевым ружьём, но Аристотелю надоело играть, вернее ему надоело использовать фетиши. С некоторых пор его игры переместились в сферу мыслительных экспериментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.